

* * *

Журавль белый за окном,
журавль, расскажи,
как за рубиновым вином
я прожигала жизнь,

как я пьянела и цвела,
как пела и плыла,
как я летела и была
убита наповал.

Пернатый пилигрим небес,
запомни, отмоли
в ночи поющего тебе
заложника земли.

* * *

— Давай про снег! — Про снег уже давно —
и Пастернак, и Бродский, и Тарковский...
Давай-ка лучше просто пить вино
да провожать прошедшее по-свойски.

Все было так, как было быть должно,
скажи “прощай” и поклонись до пола.
Одно — смешно, сто первое — грешно, —
авось, сойдёт да ангелы отмолят...

Авось вползём в грядущее “прости”,
пролезем, как библейские верблюды,
сквозь новый год, как сквозь пасхальный стих,
как сквозь петлю прощённого Иуды.

— Но снег, смотри! — Мне тридцать пятый снег,
что мне смотреть? Что высмотреть в округе,
в которой робко светит мой ночлег,
где я лежу в засаде и в испуге, —

увы, не утолить могильной жажды,
не застелить последнюю постель,
и этот снег берёзовый однажды
нас выбелит из ленты новостей.

И к черту этот снег! — Он не про то!
— А мне плевать, про что вся эта вьюга.
Я спрячусь в прошлогоднее пальто —
за пазухой у дорогого друга,

и там, тихонько плача и смеясь,
я сохранюсь в каком-нибудь остатке,
в котором не смогу уже пропасть...
А ты мне про какие-то осадки...

— Да я про то, как снег идёт в ночи —
спокойно, тихо, ласково, надёжно,
как в нём блестят оконные лучи,
как насмотреться этим невозможно...

* * *

Весна пролетает над домом,
глаза у весны горячи.
К сибирскому телу больному
спускаются с неба грачи.

Спускаются, крыльями машут,
узоры рисуют в снегу.
Я голову сажей измажу
и к ним по воде побегу.

Какая чудная картина,
какие смешные стихи.
Ты просто устала, Кристина,
от всякой людской чепухи.

Пойди, погуляй по району,
в какой-нибудь парк загляни,
где сломанной палочкой клёна,
как будто волшебной, взмахни.

Закружится всё, заискрится,
и рядом летающий грач

прекрасным окажется принцем.
Ну, что ты, Кристина, не плачь!

Такое бывает на свете:
в огромных дворцах золотых
у принцев рождаются дети
от девушек глупых, простых.

Отгонит земные печали
лица королевский овал,
и ласковый свет изначальный
узнает твоя голова.

Когда-нибудь синей весной
вернёшься в таинственный парк,
и мальчик, пришедший с тобою,
услышав грачиное “кар”,

обнимет с наивным вопросом:
— Не ангел ли это кричит?
Ответишь ты тихо и просто:
— Спускаются с неба грачи...

* * *

О чём-то я писала, да,
о чём-то думала, страдала —
водопроводная вода
из крана в трубы утекала...

Не напоила, не омыла,
речной волной не развлекла,
а бестолково и уныло
текла.